

Тяжёлые деревянные двери в стиле нео-шинуазри бесшумно разошлись, и Се Чунъянь, мягко, но властно придерживая Чэн Фаня за талию, увлёк его за собой.

В залитой ярким светом гостиной выстроились шесть или семь огромных круглых столов, за которыми, строго соблюдая старшинство, чинно расселись родственники клана Се.

Чэн Фань невольно замялся под десятками любопытных, оценивающих взглядов. Но ладонь Чунъяня, лежавшая на его пояснице, обдавала уверенным теплом, не позволяя отступить.

Мужчина, сидевший во главе главного стола, не сводил с Чэн Фаня тяжёлого взора. В отличие от остальных родственников, он даже не сделал попытки подняться, чтобы поприветствовать вернувшегося главу семьи. Чэн Фань сразу догадался: это Се Чантин, отец Чунъяня.

На приветствия Чунъянь отвечал безупречно вежливо, но с той едва уловимой прохладцей, которая чётко обозначала дистанцию.

— Фань-Фань, садись сюда.

Голос Чунъяня прозвучал на удивление мягко. Он предупредительно отодвинул стул, приглашая супруга сесть.

Такая непривычная забота смутила Чэн Фаня. Поймав тёплую, ласковую улыбку Чунъяня, он неловко буркнул слова благодарности и опустил на сиденье.

«Надо же, он, оказывается, умеет быть нежным. Вот только сколько в этом искренности, а сколько — игры?»

У старейшины Се было много детей, а активы семьи простирались далеко за пределы страны. В своё время старик распределил лишь малую часть полномочий между тремя сыновьями и двумя дочерьми, а львиную долю акций приберёг для Чунъяня. Полгода назад передача прав завершилась. Разумеется, столь колоссальное наследство в руках одного человека вызывало у родни глухую зависть, но спорить с железной волей старого патриарха и суровым нравом самого Чунъяня никто не смел. Оставалось лишь тихо скрежетать зубами да шептаться по углам.

— Фань-Фань, с сегодняшнего дня ты член нашей семьи, — с улыбкой произнёс старик Се.

Патриарх явно симпатизировал юноше. Пусть слухи и трубили на каждом углу, будто Чэн Фань с малых лет рос избалованным и капризным, старик доверял выбору внука. Чунъянь никогда бы не связал жизнь с пустышкой.

— Спасибо, дедушка, — вежливо кивнул Чэн Фань.

Чуть поодаль, за соседним столом, тётка Чунъяня и семья второго дяди буравили Чэн Фаня оценивающими взглядами.

— Сколько достойных юношей из лучших семей мы сватали Чунъяню, — ядовито прошептала тётка, — и хоть бы на одного он посмотрел так, как на этого.

Её дочь, Лю Маньин, тихо спросила:

— Мам, а из каких он Чэней? Что-то я о таких не слышала.

Тётка презрительно хмыкнула:

— Да так, держат какую-то сеть кинотеатров. Обычные выскочки на грани банкротства.

Долетевшие сплетни не вызвали у второго дяди Се видимой реакции. Он лишь молча перебирал чётки из сандала, прищутив раскосые, холодные глаза. В его тяжёлом взгляде сквозило глубокое раздумье.

— Любишь рыбу? — Чунъянь ловко очистил нежное филе от мелких костей и повернулся к Чэн Фаню. — Попробуй, этот сорт изумительно готовят.

Они сидели вплотную друг к другу. Стоило Чунъяню слегка наклониться, как Чэн Фань почувствовал его дыхание. Настолько близко они не сближались ещё никогда.

Чэн Фань судорожно сжал палочки и поспешно отвёл взгляд.

— Я сам умею.

Чунъянь лишь тихо усмехнулся и аккуратно переложил кусочек рыбы в его тарелку.

— Я выбрал все косточки, не бойся. Ешь.

И, словно невзначай, ласково взъерошил Чэн Фаню волосы на макушке.

Спина Чэн Фаня мгновенно задеревенела. Он метнул в сторону заботливого супруга испепеляющий взгляд, предупреждая не переигрывать, но Чунъянь даже бровью не повёл. Фань тихо фыркнул и демонстративно, не торопясь, принялся за рыбу.

В этот момент Се Чантин, доселе хранивший молчание, негромко обратился к главе рода:

— Отец, они действительно знакомы всего пару месяцев? Выглядят так, словно между ними давняя привязанность.

— Какая разница, — отмахнулся старик Се. — Раз Чунъянь так говорит, значит, так оно и есть.

Посреди ужина Чэн Фань извинился и вышел в уборную. Смывая прохладной водой напряжение у раковины, он взглянул на своё отражение: губы алели, а волосы лежали на удивление гладко и послушно.

Вспомнив, как к ним прикасался Чунъянь, он сердито помотал головой, взлохмачивая шевелюру до привычного небрежного беспорядка.

В этот момент за его спиной в зеркале возник силуэт. Это был один из гостей с главного стола.

Се Суй, молодой мужчина лет двадцати восьми в чёрных очках, снисходительно улыбнулся Чэн Фаню:

— Так это тебя мой кузен каждый год навещает в Жунчэне? Тот самый молодой господин Чэнь?

Чэн Фань на секунду замер, встретившись с ним взглядом в зеркале, а затем спокойно продолжил мыть руки, проигнорировав выпад. Даже если родня Се ничего о нём толком не знала, перепутать фамилию Чэн с Чэнь и родной Биньтань с Жунчэном было невозможно.

«Этот хлыщ явно нарывается на неприятности. Пытается уколоть подтекстом».

Связываться с ним не хотелось.

Видя, что Чэн Фань неторопливо вытирает руки бумажным полотенцем, не проявляя ни малейшего беспокойства, Се Суй занервничал и поспешил добавить:

— Ах, прошу прощения, запамятовал. Отец говорил, что ты из местных, биньтаньских. Значит, тот жунчэньский господин Чэнь — это совсем другой человек.

Чэн Фань лениво скрестил руки на груди и обернулся, смерив собеседника высокомерным взглядом:

— Ну раз выяснили, сойди с дороги.

Се Суй притворно рассмеялся:

— Похоже, тебе глубоко плевать на моего кузена. Иначе как объяснить, что ты так равнодушен к его первой любви? К той самой «белой луне», которую он оберегает и тайно любит уже столько лет?

При упоминании пресловутой «белой луны» сердце Чэн Фаня предательски пропустило удар. О прошлом Чунъяня и его сердечных делах он действительно ничего не знал — по условиям брачного контракта совать нос в личную жизнь друг друга им не полагалось. Но этот скользкий тип перед ним явно преследовал грязные цели.

Чэн Фань вскинул подбородок, глядя на Се Суя с неприкрытым пренебрежением:

— Ну и что с того, даже если она у него есть? Законный брак он заключил со мной, а не с кем-то ещё. А вот мне безумно интересно: с какой целью ты вытаскиваешь наружу его прошлое?

Он говорил холодно, с той непреклонной, надменной спесью, которая заставляла окружающих верить, будто Чэн Фань абсолютно уверен в чувствах своего супруга. Се Суй рассчитывал, что перед ним наивный мальчишка, которого легко спровоцировать на ревность, но добыча оказалась зубастой.

Он поспешно нацепил примирительную улыбку:

— Не пойми меня неправильно. Просто до меня доходили слухи, что в юности Чунъяня спас некий юноша из семьи Чэнь. Кузен каждый год ездил к нему в Жунчэн. Даже бесценный двусторонний веер с нефритовыми костями, купленный на аукционе, отправил ему в подарок. И всё потому, что этот парень с детства занимался танцами под руководством матери. Я-то грешным делом подумал, что Чунъянь наконец женился на возлюбленном всей своей жизни. Ошибся, выходит.

Чэн Фань лишь слегка сощурил свои точёные, невероятно красивые глаза и, бросив на прощание одну-единственную фразу, зашагал прочь:

— Ошибся или нет — ты прекрасно знаешь сам.

Улыбка сползла с лица Се Суя. Он проводил удаляющуюся, прямую как струна спину Чэн Фаня ледяным, затаённым взглядом.

Обратно в банкетный зал Чэн Фань летел как на крыльях, но, заметив издали Чунъяня — тот расслабленно откинулся на спинку стула, увлечённо беседуя со старейшиной Се, — невольно замедлил шаг.

«Тот парень... он тоже танцует».

В груди шевельнулось глухое, липкое раздражение, природу которого Чэн Фань не мог объяснить даже самому себе. Если Чунъянь так безумно влюблён в этого Чэня, почему не женился на нём? Тот ему отказал? Или сердце парня занято другим?

Хмурясь всё сильнее, он быстрым шагом направился к главному столу.

Чунъянь, казалось, перехватил его движение ещё на входе. Небрежно положив локоть на подлокотник, он поправил волосы. За стёклами золотых очков его тёмные глаза светились мягкой, вкрадчивой нежностью.

Как только Чэн Фань приблизился, Чунъянь поднялся и предупредительно отодвинул стул.

— Вернулся, Фань-Фань?

Юноша на мгновение замялся, а затем, опустив голову, быстро скользнул на своё место.

— Угу.

Чунъянь налил в пиалу ароматного целебного супа и поставил перед ним.

— Доктор говорил, что у тебя слабый иммунитет. Я попросил поваров приготовить это специально для тебя. Попробуй.

Старейшина Се весело прищурился:

— А я-то гадаю, с чего вдруг в меню появилось новое блюдо. Оказывается, всё ради Сяо Фаня.

Чунъянь тихо рассмеялся:

— Именно так.

Под прицелом десятков любопытных глаз Чэн Фань сделал маленький глоток. Бульон оказался на удивление изысканным: насыщенный аромат трав идеально подчёркивал вкус мяса. Блюдо полностью отвечало его капризным кулинарным пристрастиям.

«Надо же, как расстарался ради убедительности спектакля. Даже диету продумал заранее. Настоящий, расчётливый делец».

Сделав ещё глоток, Чэн Фань мысленно дал себе зарок: ни в коем случае не поддаваться на эти уловки. В искусстве притворяться нежным и заботливым Се Чунъяню не было равных.

В завершение банкета гости подняли бокалы за новоиспечённых супругов. Свадебных подарков набралось больше шестидесяти коробок; старейшина распорядился, чтобы водитель отвёз их напрямиком в загородный дом молодых.

Старик Се настаивал, чтобы внук с супругом остались на ночь в усадьбе, но Чунъянь мягко отказался, сославшись на важное утреннее совещание.

Спускаясь по высоким ступеням крыльца старого особняка, Чэн Фань о чём-то задумался и оступился. Он уже готов был полететь вниз, но Чунъянь среагировал мгновенно: перехватил его за талию и рывком прижал к своей груди.

— Под ноги смотри, — негромко усмехнулся Чунъянь, обдавая его ухо тёплым дыханием.

Очутившись в этих широких, надёжных объятиях, Чэн Фань краем глаза заметил, что за ними пристально наблюдают расходящиеся родственники. Смутившись, он неловко кивнул и поспешил отстраниться.

Стоило им переступить порог дома, как маска заботливого мужа с Чунъяня мгновенно слетела. Он вновь превратился в холодного, неприступного господина Се. Проходя мимо спальни Чэн Фаня, он лишь сухо бросил «спокойной ночи» и уже собирался уйти к себе.

— Погоди, — окликнул его Чэн Фань. Несмотря на непреодолимое желание поскорее обнять котёнка, разговор нельзя было откладывать. — Сегодня твой кузен в чёрных очках подходил ко мне. Наговорил кучу странных вещей.

Чунъянь остановился и, небрежно засунув руки в карманы брюк, обернулся:

— Что именно сказал Се Суй?

— Сказал, что у тебя есть возлюбленный, твоя «белая луна». По фамилии Чэнь, живёт в Жунчэне. И ты якобы каждый год мотаешься к нему на свидания, — в голосе Чэн Фаня прорезались недовольные нотки.

— И всё? — невозмутимо уточнил Чунъянь.

— Всё! — Чэн Фань мысленно выругался. Подумать только, этот негодяй даже не отпирается! Видимо, для таких избалованных богачей интрижки на стороне — обычное дело.

— Тогда ложись спать, — лениво бросил Чунъянь и развернулся, чтобы уйти.

— Стой! — Чэн Фань вцепился в дверную ручку, его тон стал откровенно резким. — Се Чунъянь, пусть наш брак и фиктивный, но пока действует контракт, изволь соблюдать приличия. Я не потерплю измен и рогов на своей голове.

Из-за двери послышался тихий скрежет — пушистый питомец, почуяв хозяина, нетерпеливо царапал дерево. Чэн Фань приоткрыл дверь и бережно подхватил на руки золотого британского шиншиллу. Упитанный, похожий на круглый меховой комок Момо устроился на его руках, лениво и важно свесив хвост.

Чунъянь с нескрываемым любопытством наблюдал за этой картиной. Ему показалось забавным, насколько капризные интонации Чэн Фаня гармонировали с высокомерным видом кота. Они были похожи как две капли воды.

— Даже если у тебя там какая-то безумная любовь, держи свои порывы при себе, — безапелляционно заявил Чэн Фань. — Штамп в паспорте стоит с моим именем, а не с его. И если ты вздумаешь вести себя как типичный зажавшийся олигарх и заведёшь гарем из любовников, то я...

Чунъянь прислонился спиной к стене, с весёлым прищуром глядя на него:

— И что же ты сделаешь?

Чэн Фань гордо вскинул голову и с величайшим апломбом выдал:

— Я наставлю тебе ровно сто восемь ветвистых рогов!

<http://bllate.org/book/19809/1996173>